

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ «НОВОГО ЗАПАДНОГО ПОГРАНИЧЬЯ» РОССИИ¹

*Баринов С.Л. Научный сотрудник
Института региональных исследований и
городского планирования НИУ ВШЭ*

Монопозиционность означает игнорирование регионов
(Владимир Каганский)

Предпосылки, цель и методическая основа исследования

Феномен *новых границ* связан с распадом СССР и потому насчитывает менее 20-ти лет. «Новыми» в литературе называются границы, ставшие государственными в результате обретения независимости республиками бывшего Союза. По аналогии «*новым западным пограничьем*» мы будем называть территорию России, расположенную вдоль границ с Украиной, Белоруссией и Прибалтикой².

Рассуждения о том, какую территорию считать приграничной, далеко выходят за рамки и данного текста, и того исследования, на котором он базируется. В данном случае мы будем рассматривать развитие приграничных *регионов* с отдельным акцентом на приграничные *муниципалитеты*.

Очевидно, что попытка охватить в рамках одного краткосрочного исследования все плотно заселенное пограничье протяженностью почти в 3,5 тыс. км утопична и грозит в лучшем случае чрезмерной поверхностностью результатов. Поэтому мы акцентируем внимание только на тех участках, которые изучены сравнительно слабо. Речь пойдет о границах трех российских регионов: *Псковской* (с Латвией, Эстонией и Белоруссией), *Брянской* (с Белоруссией и Украиной) и *Курской* (с Украиной) областей.

¹ Исследование проводится при поддержке Гранта РГНФ 08-02-91202 а/У «Украинско-российско-белорусское сотрудничество как инструмент развития трансграничного региона» и Гранта РГНФ 10-02-00688а/Б2 «Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов России и Беларуси в постсоветский период».

² Из данного анализа исключена Калининградская область в силу того, что пограничье эксклава по определению сильно отличается от пограничья основной территории, и с этой точки зрения их совместный анализ нерелевантен.

Целью работы была диагностика и качественная оценка процессов регионализации, развитие которых можно было ожидать на относительно прозрачных и потенциально контактных участках новой границы. Рассмотрев при подготовке исследования европейский опыт трансграничной регионализации, мы попытались найти на исследуемых участках границы аналоги тех процессов, которые описывают в своих трудах исследователи европейской практики[2][3][4] [8].

В содержательном плане исследование опирается на целый ряд предшествующих[1][5][6]. Методическая база преимущественно социологическая, что обусловлено как целью, так и масштабом исследования: для анализа проблем непосредственно пограничной полосы необходим большой массив первичной информации от тех, кто в этой полосе живет и осуществляет хозяйственную деятельность. При этом акцент сделан на *качественные методы*: глубинные экспертные интервью и включенные наблюдения. Основной причиной этого (помимо технических сложностей, которые тоже имеют значение) была плохая применимость методов количественной социологии для целей первичной диагностики проблем населения. Как писал в одной из своих работ известный социолог В.А. Ядов, «*количественные и формализованные методы хороши для проверки уже сформулированных гипотез <...> если же мы хотим выявить социальную проблему, сформулировать ее, то такие методы мало эффективны*»[7].

Поскольку социальный аспект приграничных коммуникаций в изучаемой зоне был исследован достаточно слабо (в более ранних работах основной акцент делался на экономическую составляющую и институциональные аспекты взаимодействия), конкретные гипотезы, касающиеся проблем населения, на старте исследования сформулировать было сложно. Однако по его результатам они оформились и приобрели следующий вид.

Основные результаты исследования

Анализ пространственно-временных закономерностей развития рассматриваемого приграничья позволил выявить целый ряд историко-географических предпосылок к активному межграничному взаимодействию как минимум в социальном поле. К ним можно отнести:

- общность исторического пути, выразившуюся в частности в том, что приграничные муниципалитеты веками находились в рамках общих ячеек АДД;
- вторичность этнической составляющей в процессе самоидентификации жителей приграничья и фактическое игнорирование существующих административных границ в ходе их пространственной самоидентификации;
- неукорененность местного населения пограничья и высокая степень его кровного родства с соседями (доли как приезжих, так и имеющих родственников через границу, по оценкам экспертов, находятся в диапазоне от 1/3 до 1/2).

Результаты многочисленных включенных наблюдений и экспертных интервью, проводившихся в Курской, Брянской и Псковской

областях в 2006-2009 гг., показали, однако, что реальные масштабы приграничного взаимодействия в этой зоне куда меньше того, что можно было ожидать, исходя из выявленных предпосылок. На сегодняшний день они в основном сводятся к обмену делегациями всех уровней, совместному проведению фольклорно-народных праздников типа Радуницы, сотрудничеству в транспортно-таможенной сфере (в том числе по контролю за наркотрафиком) и мелкой межграничной торговле, масштабы которой в целом падают. Более того, сжатие поля взаимодействия наблюдается не только в отраслевом, но и в территориальном разрезе: в приграничном сотрудничестве участвуют либо региональные центры, либо муниципалитеты, на территории которых расположены крупные пограничные пункты пропуска.

Помимо внутренних факторов, обусловленных свойствами самой границы и приграничных территорий, на подобное сжатие влияет целый ряд внешних: институциональных, имиджевых, инфраструктурных и др. Среди этих внешних факторов отдельной строкой идут факторы *геополитические*.

Постоянный дамоклов меч, висящий над трансграничными коммуникациями с Украиной, Эстонией и Латвией – взаимоотношения между этими странами и Россией. Примерами могут служить многочисленные словесные пикировки на официальном уровне между экс-президентом Украины Виктором Ющенко и российскими лидерами³. Для жителей приграничных территорий подобные пикировки оборачиваются ужесточением досмотров, повышенным вниманием к мигрантам (в т.ч. трудовым) из соседних сел и деревень по другую сторону границы и т.п.

Проблема могла быть не столь заметной, если бы не повышенное значение межграничных миграций трудовых ресурсов для хозяйственной деятельности приграничных регионов. Страны непосредственного соседства дают от 15% международных иммигрантов в случае с Псковской областью до 40% в случае с Брянской. Пониженное значение этого показателя на прибалтийском направлении объяснимо: еще в советское время люди стремились скорее из России в Прибалтику, а не наоборот. Как следствие, Латвия и Эстония вместе с Беларусью забирают половину всех псковских эмигрантов.

³ См. например обмен резкими заявлениями между Ющенко и Медведевым в августе 2009 г.: <http://news.mail.ru/politics/2814729/>

У повышенных значений иммиграции на украинском направлении есть дополнительный мотив. Общеизвестно, что полевые сельскохозяйственные работы не равномерны по нагрузке в течение года, а имеют ярко выраженный сезонный характер. Приглашение на такие сезонные работы с целью их ускорения жителей соседних территорий практиковалось издавна. В частности, руководители более благополучных российских колхозов приглашали сравнительно мало пьющих украинских работников, а те с готовностью отзывались на подобные призывы, особенно в последнее десятилетие,

поскольку испытывали проблемы и с работой, и с заработками. Но подобное сотрудничество, очевидно выгодное обеим сторонам, оказывается невыгодным федеральным структурам, которые во время особого охлаждения отношений между Россией и Украиной «настоятельно рекомендовали» владельцам гостиниц и мотелей в приграничных районах сообщать в местные органы ФСБ каждый раз, когда к ним заселяются приезжие из Украины.

У стремления федеральных властей к упорядочиванию режима пересечения границы есть и очевидно позитивные стороны.

Плохо регулируемая граница на многих участках становится проницаемой для наркотрафика, это признают и представители администрации в частности Невельского района Псковской области. Однако стремление к большему контролю при отсутствии индивидуального подхода и игнорировании местных особенностей территории приводит к перегибам и побочным эффектам, подобным уже проиллюстрированному.

Важным аспектом этих «местных особенностей» в сфере трансграничных пересечений является проблема *пунктов упрощенного перехода* (ПУП). Они были созданы для ускорения контактов местного населения на тех участках пограничья, где граница разделяла исторически и этнически спорные территории. Главное «слабое место» этих пунктов пересечения с точки зрения властей – их пониженная контролируемость, из-за которой такие пункты часто становятся коридорами наркотрафика. Именно этот их недостаток стал ключевым основанием политики оптимизации, реализуемой в последние годы по отношению к пунктам

упрощенного пропуска. Увы, здесь национальные и отчасти геополитические интересы опять вошли в противоречие с интересами местного населения, для которых закрытие таких пунктов означает фактический запрет на контакт с родственниками и друзьями.

Геостратегические интересы в пограничной полосе реализуются российскими властями в том числе через захват медийного пространства. Особенно ярко это проявилось в последние годы на украинском участке границы. До 2002-го года в приграничной полосе Курской и Брянской областей легко ловились украинские телеканалы, поскольку транслятор в *Белополье* (райцентр Сумской области Украины, расположенный в пограничной полосе) был мощнее транслятора во *Льгове* (райцентр Курской области). В результате местные жители имели возможность узнавать хоть что-то о жизни своих родственников и друзей, живущих по другую сторону границы, и частично компенсировать таким образом дефицит прямого контакта. Однако затем транслятор во Льгове заменили, и сегодня из украинских телеканалов с российской стороны ловятся только два («1+1» и музыкальный), и то местами. Более того, Курская область была выбрана одним из трех пилотных российских регионов по оцифровке телевидения, которая гарантирует полный уход украинского вещания из эфира. Разумеется, оцифровка телевидения сама по себе – благо. Но критерии, по которым куряне оказались в числе первых, очевидно имеют геополитический подтекст.

Аналогичные процессы в последние годы шли и по другую сторону российско-украинской границы. Так, 2 октября 2008 г. Нацсовет по телевидению и радиовещанию Украины принял решение об исключении российских каналов из украинских кабельных сетей. Сходные тенденции наблюдаются и на прибалтийском направлении: Эстония периодически отключает и включает обратно российские телеканалы. Последнее отключение произошло в январе 2009 г., однако через месяц вещание возобновилось. Латвия до сих пор ограничивалась предложениями запретить трансляцию российского телевидения, но к действиям не переходила.

На прибалтийском направлении дополнительные проблемы для приграничного сотрудничества создает фактическое отсутствие рамочного соглашения о сотрудничестве между Россией и Евросоюзом. Срок последнего такого соглашения истек в конце 2007-го года, а новое до сих пор не подписано. Поскольку и Латвия, и Эстония являются членами ЕС, сотрудничество с этими странами может идти только в контексте сотрудничества с Евросоюзом – или, как минимум, с ведома Брюсселя. Отсутствие рамочного соглашения о партнерстве, таким образом, имеет целый ряд отрицательных последствий, и в первую очередь для российских НКО, которые теперь не могут выступать полноценными

грантополучателями и участниками совместных с соседями проектов и вынуждены довольствоваться в лучшем случае ролью ассоциированных членов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Порог Европы. Влияние европейского трансграничного и приграничного сотрудничества на региональное экономическое развитие Псковской области. Под общей редакцией Л. М. Шлосберга. Издательство АНО "Центр социального проектирования "Возрождение", 2004. 210 стр.
- [2] Perkmann M. The rise of Euroregion. A bird's eye perspective on European cross-border cooperation. Department of Sociology, Lancaster University, Lancaster LA1 4YN, UK. 2003 [Электронный ресурс]. URL: www.lancs.ac.uk
- [3] Ratti R., Reichman S. Theory and practice of transborder cooperation. Basel – Frankfurt am Main. 1993.
- [4] Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов. М., 2001. С. 7-15
- [5] Колосов В.А. Как изучать новое пограничье России? // Международные процессы, 2004, т.2, N 3, с. 89-96.
- [6] Колосов В.А., Бородулина Н.А. «Бремя геополитики» во взаимовосприятии России и стран Прибалтики // Международные процессы, 2007, том 5, номер 1(13), с. 101-107
- [7] Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных. // Социология: 4М. Т.1. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://isras.ru/files/File/4M/1/Yadov.pdf>
- [8] Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: Норма, 2007.